

Александр Ожиганов

Из книги "Т Р Е Щ О Т К А".

Медведь

Подарили невесте медведя.
Голубой, как свидетельство о
нумерованном браке, поедет
на переднем сидении он
посреди серебристых бутылок
и шаров в виде плоти мужской...

И невеста небесный затылок
будет гладить тяжелой рукой.

Зубры

Душно. Болят зубы.
Месяц бурлит, сипит.
Тихо стоят зубры,
сонные, как Сибирь.

О, как черны губы,
волосы и соски!..
Громко жуют зубры
стебли сухой тоски.

Свет в темноте месят
зубры. Забыли все.
Лишь молоток-месяц
льет кипяток свой.

Черный- тебя светлее!-
светится старый сруб.
И над водой тлеет
зубр, зубр, зубр!..

Адам

"Серая сушь. Ночь.
Грязные облака.
Каплет моя дочь,
и верещит кран.

Жалко ли?... Чья жизнь
только и дорога...
На жалюзи- шиз,
легкий, как таракан.

Все. Каблуком- шмяк!
Усики рук- тресь!..
Это же самый смак!
И человек весь-

здесь!... Мотылек... мысль...
Серый узор сна...
Не нахожу смысл.
Но захоти- на

все, что могу здесь!..
Все верещит кран.
И до утра: тресь-
кха!.. тресь-кха!.."

Стадо
/пастораль/

На пастбище тишины
два солнца и две луны.
Над глиняными рогами-
магические блины,
излюбленные богами.

Кочующий кулинар
сажает сырые трупы
на вертел. Кудрявый пар!
Божественный будуар,
амуры и трубы!.. трубы!..

Апофез греха
небесного пастуха.
Породистый пастушок
подымет свой посошок,
засунет в мешок светила,
ополоснет горшок
и посвистит сатира.

Орлиный рассвет. Венцы,
терновники, бубенцы...

Место часа
/Реквием для пяти голосов/

"Место происшествия: 103 км
Время: 04 час.15 мин.
Число жертв: 4 чел."

/Из милицкого протокола/

I

"Я прикасаюсь мертвыми руками
к живому, но бессмертному лицу.

Земля и сад.

Мать и дитя.

Октябрь.

О, родовые схватки смерти! Сидр.

Мусс.

Мать.

Гниение, алхимия высот

пустых, чреватых волей, формой боли

и формой любви: слепить и смять,

и выжать,

и отбросить—

вниз, вниз, вниз,

вниз, вниз, насквозь, до головокруженья,

до умопомрачительных высот!

Вниз, сквозь базальт,—

за огненной рекой,

во впадину на дне, на небе неба...

Вниз. Вниз— и выше:

в Место Часа, где

Прошедшее меняет кожу, чтобы

блеснуть слоистым Будущим, и тут

уж не зевай, Иван-дурак, а прыгай

на спину и держись!

держись!

держись!..."

"Листья листья и листья
 Ничего кроме них
 в мире каменных истин
 и шумих и шутих
 в мире бедных богатых
 в мире мертвых живых
 Выше голубоватых
 крон- багровые швы
 Кровью канализаций
 кровом глиняных слов
 листья кленов акаций
 лип осин и дубов
 Западня заповедник
 В тело ивы /надрез/
 ухожу проповедник
 иммигрирую в лес
 Наклоняться качаться
 перед зеркалом вод
 Место Высшего Часа
 и пророчества- вот"

"Мы- стрелки Времени,
 которое вертит нами
 то медленней, то быстрее,
 то назад, то вперед,
 то так, то эдак.
 Струится вода и песок,
 тикают ходики,
 трезвонит будильник,
 звенят и поют куранты.
 Это наши игрушки,
 которыми мы утешались
 от Птоломея до Бора. Теперь
 они нам приелись, и вот
 мы тянемся к Солнцу-
 к одной из игрушечных стрелок:

ведь **Время**— ребенок,
который трясет погремушку
на берегу океана,
и погремушка гремит
и глушит нас грохотом света,
тепла и рождения в смерти...

Но **Память** проснется,
откроет глаза, воскресая
и воскрешая все то,
к чему прикоснется глазами
и телом.

Да, **Память** проснется
в объятиях **Времени**, дабы
найти это место,
открыть это Место **Рождения**
Часа."

4

"А!— я не знаю... Эти голоса...
Они меня смешат. Я... я скучаю!
Так пишут, да?... Но так не говорят!
Всегда смешно, когда не говорят,
а только притворяются... И страшно
немного... Время? Память?... Та-ра-ра!
Я в этом ничего не понимаю.
К тому же мне пора. Пока?"— "Пока."— "Пока!"

5

Я ничего не изменил.
Я только записал. И все!— готово:
и сад, и стыд, и стадная основа
соотношения псевдо— слов и сил.
Вот со-временники мои, вот я.
В их псевдо-бытие войдя
с мороза,
я— только негатив, одна угроза
их бытию, а вовсе не судья.

И не суть я- они, и суть
их- не они, а я: условный
знак, достоверный и дословный,
толкующий до слова путь
их:

"Поворот!", "Крутой подъем!",
"Внимание!", "Стоп!", "Осторожно!"

И дело только в том,
что я- потом
так непреложно
толкую на пути пустом,
куда нельзя и можно,
можно!..
МОЖНО!

Я отголосок катастроф. Я визг
колес. Я- запись ужаса на пленку.
Я знаю, как лететь с обрыва вниз
/вниз головой/,
и... становлюсь в сторонку.
Я- только опыт, но не свой, не свой!-
их, оборвавших гонку.

Вот Место Часа моего. Прибит.
Сто тысяч пугал вдоль пустой дороги.
Путь безопасен. И закрыт. Забыт.
Забит фанерой. Голуби и боги.
Немыслимый покой. Мой Моабит.

Вахта

Жизнь бедная обходится без слов.
Нет у нее ни памяти, ни плана:
она случайно вышла из углов
и стеклышек слепого капитана.

Подзорная труба- калейдоскоп:
чуть повернул- и сгнула эскадра!
Непобедимый флот утоп,
невидимый никем исчез из кадра...

Что разговор?- стеклянный шорох, звон,
позор неловких душ и робкой муки...
Все ж говори!- артикулируй звуки:
жизнь поднеси к губам, как мегафон.

"Эй, капитан!- как сыро и темно..."

А мертвая вода вольется в уши.
И вахтенный во тьме увидит сушу:
стеклянного калейдоскопа дно.

По правде говоря, мне нечего сказать...
Слова червивые и черное веселье
не скрасят будничное новоселье
во чреве глинистом, где белый червь- казак.

В блевотине любви на стремянах
проскачет белый червь, врачуя раны,
лазутчик-червь и черви-партизаны,
чревоугодник-червь и червь-монах...

Амур натягивает тетиву
и протыкает сердце ненароком,
как огурец, а я- хитрец!- живу
и только истекаю черным соком
на девственную бедную тетрадь,

черчу абстрактный лабиринт, орнамент:
возможно, здесь резиновая рать
потащится стирать
старье и обрабатывать пергамент.

Из цикла "ПАРКАНЫ" ✓

Короткий нечленораздельный крик.
Какой-то клапан
сломанного тела,
как тряпка,
тлеет
в полной темноте.

Теньнаполу -
полуживойпаук...

И- снова!- нечленораздельный звук
плетения
чего?- словес?... тенет?..

Приснилось?... Нет?..

Нет, наклонись ко мне!-
шепчи, шепчи, шепчи!..
Ни спичек, ни свечи,
ни лампы на стене-
нет!.. Наклонись ко мне...

Нет, наклонись ко мне!

Имя было- нет.
Тело было- тернием!
Наклонись ко мне...
ТЕНЬЮ?

Нет! И тень- в огне...
Без креста за пазухой
наклонись ко мне...
СКАЗКОЙ?

Но когда так жжет,
~~таких сказках жжет~~

то и сказка лжет.

"Правда?.. то ж- брехня!.." Зевая,
сдобная и тучная,
наклонись ко мне
ЖИВАЯ,
скучная!

Поднеси большой кулич:

"Кушайте, Илья Ильич!"

Как в Одессе сук- комет
в небе!

"Наклонись ко мне,
мой свет!.."

Лебедь.

Гамлет. Новые монологи.

1. Гамлет по телефону.

"Пестрые картинки декораций,
плоскость откровенной глубины...
Кукольные муки, друг Гораций.
Кстати, вы еще не влюблены?

Чур вас, чур! А впрочем... Есть простое
средство от любви: ЗАКОННЫЙ БРАК.
Бррр!.. Не зарекайтесь... О, пустое!..
Любящий супруг? Дарю колпак.

Я?.. Благодарю... Я- насмерть ранен...
Я шучу? Какое!- шутки прочь...
Впрочем кто из нас бывает равен
самому себе вторую ночь!..

Плоть- не потребление, а прощанье.
И постель- последнее "прости"...
Что?.. Я не расслышал... Что? Прости-
те: я не расслышал... /.....
...../ До-сви-данья!.."

2. Гамлет один.

"Черт побери! Расстроился, схоластик!..
Кто я? Я- принц... принципиальный плут!
Я- выпил. Ну и что? СЕЙЧАС ВСЕ ПЫТ!
И властелин мечтает быть во власти
растительного сока... Впрочем... /ТЬФУ/!
продолжим разговор телепатично.
Офелия мне в общем симпатична,
приятель, но- любить?.. Любовь- фю-фю!
Обман, , бульварный анекдотец,
где худоба и спущенный чулок
обозначают страсть... Чудной народец!
Простите /ТЬФУ/, но это же- лубок!

Конечно здесь не Виттенберг. Отстал.
Устал... Однако: альма пальма драйциг!..
Простите. Мне пора убить отца
и прочих... Вы- останетесь, Гораций."

Август, 1975.
Тирасполь-Кишинев.

МОНОЛОГ

I

Таким всегда и виделся поэт...
Плещ? или крылья? или горб?- незримый,
как разодет! /Или: "когда разодет?"/
Еще незрел. /Или"уже низринут!"/
Неуловимо милый... Или нет!-
неумолимо мимо
летающий /или падающий?/...
Свет,
но- под сосудом. Потс или аскет.
Почти скелет. Таков и есть поэт.
Последний и единственный. Единный.
Таков и есть...

А может быть, и нет.

А может быть, и он- автопортрет,
зевок зеркал иль образец резино-
вых изделий:
весь, со свистком в спине-
спиноза и бездельник
со штампом о цене...

В цене или в стене?
Поэт? И нет и нет.

2

Прощай же, Петербург
немой! Не обнищаю.
За то, что берегу
гранит,- прощай! Прощаю.

Прощай, гранитный шар!
Россия, кукареку!
И срам, и шарм— прощай!
Карету мне... Карету!

Прощай, гранитный шар.
Все хорошо. И— все!
Пуста праща. Прощай,
пустырь полночных сов!

Ни крыльев, ни плаща,
ни ненависти нет...
Ответ: "Прощай, прощай
и помни обо мне!"

О славный Призрак—бурх!
Репейником пристал,
как эпилептик, дух
распятого Христа!

Лети, Луна! Плети
свой кокон, шелкопряд!
Пусти меня!.. Прости,
пусти меня... назад!

Пустырь полночных слов.
Посмертных слав парша.
И сразу после слов—
МОЛЧАНИЕ... /"Прощай!"/

Июль, 1975.
Ленинград.

"КАМО ГРЯДЕШИ?"

I

Как будто кто-то за руку схватил, —
остолбенел в кристаллах соли... пота...
не оглянулся... Просто нету сил.
"Куда идешь?" А!... не твоя забота...

Шарниры глаз заржавели давным-
давно, и одервенела шея.
Язык раскис... Скажи своим штабным:
пусть спят, меня не ищут, — не в себе я!...

Я затерялся в черных дырах глаз
твоих. Пылинка, втянут пылесосом
часов. Душа — худой противогаз —
воняет мокрым шлаком и отбросом...

Сорвать с лица! Глоточек пустоты
чистейшей — без картин и без каратов!..
Сюда, солдаты! Подставляйте рты!
Довольно с нас казенных суррогатов!

2.

Все снится, снится: небо скучное
гнилой испариной стекло...
Все — безвоздушное, бездушное,
как поцелуй через стекло!

Прильни, безглазая, безгубая
копирка псевдо-бытия!
Чернеет оболочка грубая
и смутно отражаюсь я
в стекле, внезапно озеркаленном
прекрасной чернью пустоты:
в насторожившемся, оскаленном
чудовище — мои черты,
невнятные, полуразмытые
мгновенной судорогой той,
что ошарашивает мытарей

столпообразной пустотой.

3

Где небыль, господи? где быть?

Кентавры и кинокефалы
обожествляют сны, столбы,
деревья, камни и кристаллы.

Бык- бог! Вращающийся год-
бог! На престоле! И на плахе-
бог! Бог- красавец и урод,
страшилище в смертельном страхе!..

Не бойся, боже! не пугай!
Миг- вечности, мгновенью- вечность.
И Минотавр, полубугай,
в себе почуя человечность,

ест человечину с тоской,
сверкая челюстью карминной!..

А я не бык и не герой:
мне с лупоглазю Афиной

не столкнуться... Девку- лавр!-
завил камлающий кочевник...

Темно и сыро, Минотавр,
в хитросплетениях никчемных.

И отчъя голова болит
с рогами, стянутыми мыслью!..

Давно обнюхан Лабиринт
любой лабораторной мышью.

Лишь въедливая муха- кыш!-
все воет Аполлоном в ухе,
да необученная мышь
попискивает с голодухи...

Нет избранных. Избранник- раб-
мертвец, диктующий страницы
писцам,- по-царски слеп и слаб
и не выходит из темницы.

Не выцарапывай закон
народу на надгробных плитах:
смерть— средиземный полигон
с мишенью в темном сердце Крита.

Июль, 1976.

И на святой Руси— богатыри!
Что Ахиллес?— норовистей и лучше!
На погребках стоят монастыри.
"Кваску бы, а?"— "Не гневайся, Ильяша:
ВРАГ У ВОРОТ!..." Теперь не торопись!
Баян потыкал саблею в гнилое
душло: "Ау, Илья-батыр, проснись!—
Владимир— Дюк припомнил о герое..."
Ну вот и отупение! Теперь—
все три ведра "московской" и— наружу!
"Который— враг?! Сынок? Архангел? Зверь?..
Всех порешу! И все вокруг порушу!"

Август, 1976.

Изображение Грабежа—
изогнутый стеклянный парус:
ни убежать, ни удержать,
ни плыть на пару!

Сирена северных широт
охрипла, хитрого Улисса
заманивая за кулисы,
и больше не поет.

Обманщик намертво пришит.
Вращается со скрипом сцена,
и в птичьем горлышке першит...
"Прощай, сирена!"

Водила за нос Калипсо,
у Кирки хрюкали в миноре...
Но кровяною колбасой
пропахло северное море.

Торговля не для гуслара.
Не тонна- нота: не утонет!..
Сирена, пой! Гуслар, играй!
Пляши, балетный Посейдоне!
Еще- последний- поворот,
у хитроумного Улисса,
не выудит из пыльных вод
чернавка, дурочка, актриса...
Суда уходят под откос,
и вязнет в иле колесница...
Всю ночь оплывшему Садко
охрипшая сирена снится.

21 февраля, 1977.

Как труп в пустыне я лежал
✓ А. Пушкин

Пошевелишь ли пальцами устало,
войдешь ли в сон,-
молчание обложит, словно сало,
короткий нечленораздельный стон.
Неровности, бугры зашевелиятся,
вращая ржавый стержень бытия,
и из глухих колодцев ингаляций
неторопливо выползет змея.
Возьми ее, как оперную флейту,
в красивый рот.
Взмахнет хлыстом оранжевый фореитер:
"Вперед! вперед!.."
Каретный трек обрушится на плечи,
как яйца, затрещат колокола,
и задрожат отточенные свечи,
когда кора
реальности спадет, открыв лиловый
запретный круг, священное клеймо
и оттиск сна на бледном воске новой
беззвучной жизни с траурной каймой

из нотных линий проволоки ржавой
промеж столбов.

И все. Во сне— что делать с этой славой,
с венцом из еще выявленных слов?

Держи во рту убийственное пенье,
сырой росток, раздвоенный язык,
когда гортань— сплошной ожог и жжение
рождает крик!

Декабрь, 1976.

Из цикла: " МОЙ ГОЛОС ДЛЯ ТЕБЯ"

Депрессия

Среди шальных океанид
блаженствовал в Одессе я...
"Ша, Саша!- доктор говорит.-
Не шуточки- депрессия!.."

И тут болит, и там болит,
и все покрыто плесенью...
"Твой организм в себе таит
подпольную депрессию."

Жена лысеет и молчит,
и прибавляет в весе, и
ночами стонет, и мычит
в объятиях депрессии.

Шесть звуков дочь не говорит:
во рту- сплошное месиво!
В ней несказанное горит-
подпольная депрессия.

С утра автобусик набит,
у всех- одна профессия:
один стоит, другой сидит-
повальная депрессия.

С утра аквариум закрыт,
и мается процессия:
стакан налит, стакан разбит-
похмельная депрессия.

В подъезде девочка стоит,
и мальчик вертит перси ей:
им обвенчат**вая** предстоит
с подпольной депрессией.

Куда-то ласточка летит?
Где Греция? где Персия?
На глобусах один петит:
"ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ".

И только форменный бандит
твердит другую версию:
он защищает и хранит
Священную Депрессию.

Найду я тех океанид,
нетронутых депрессией...
"Давай назад! Проезд закрыт:
депрессия!"- "В Одессе?!"

Земля рожает и дрожит,
и заражает весело!
Рази меня! Я- тоже- жид,
я- вечный жид, Депрессия!

24 июня, 1976.